

4. Ниренбург Я.Л., Пожидаева Г.В. Историография вопроса о перераспределении земельного фонда на Урале в результате Октябрьской революции // Историография истории Урала переходного периода. 1917-1937. Свердловск, 1985; Третьяков В.В. Начало аграрных преобразований в работах уральских историков // Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития. Вып.1. Свердловск, 1990; Его же. Изменения в материальном положении уральского крестьянства в результате осуществления Декрета о земле (1917-1920 г.) // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни. 1917-1945 гг. Свердловск, 1988.
5. Магомедов Р.Р. Продовольственная политика Советского государства в первые годы Советская власти: Дис. к.и.н. М., 1990.
6. Фадеев А.Н. Проведение трудовой повинности в Пермской губернии в 1919 -1920 гг. // Уч. зап. Перм. гос. университета. Т.17. Вып.4. Пермь, 1961.
7. Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1917-1930 годах // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1966.
8. Никитин В.Н. Деятельность территориальных организаций РКП(б) по вовлечению уральского крестьянства в борьбу с вооруженной контрреволюцией // Деятельность партийных организаций Урала по вовлечению трудовых масс в вооруженную борьбу с интервентами и белогвардейцами 1918-1919 гг. Свердловск, 1990; Сутырина Г.С. Беспартийные конференции в Екатеринбургской губернии (1919-1920 гг.) // Уч. зап. УрГУ. Вып.18. № 103. Свердловск, 1970; Лагунов К. Двадцать первый. Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск, 1991; Кабацкий Н.И. В.И. Ленин об изменениях в политическом сознании и действиях крестьян Урала и Сибири до и после Октябрьской революции // Победа Октябрьской революции и гражданская война на Урале. Свердловск, 1987; Гуров В.П. Уральская деревня после разгрома колчаковщины // Партийное руководство революционной борьбой и хозяйственной деятельностью трудящихся Урала (1918-1920). Свердловск, 1982.
9. Шеврин И.Л. Крестьянство Урала в 20-е годы: Дис. к.и.н. Свердловск, 1989; Лабузов В.А. Деревня Южного Урала в период нэпа (1921-1927 гг.). Автореферат дис. к.и.н. Оренбург, 1995.
10. Хазиев Р.А. Политика Советского государства в области обобществления сельскохозяйственного производства в 1918-1928 гг. Уфа, 1994.
11. Метельский Н.Н. Деревня Урала в условиях военного коммунизма (1919-1921 гг.). Свердловск, 1991.
12. Третьяков В.В. Изменения в материальном положении уральского крестьянства в результате осуществления Декрета о земле (1917-1920 гг.). С.16,21.
13. Першин П.Н. Община и хутора Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пг., 1917.
14. Саблин В.А. Политические настроения крестьянства Севера европейской России в годы гражданской войны // Постигая прошлое и настоящее. Вып.3. Саратов, 1994.

В.С.ТЕРЕХОВ (Екатеринбург)

ТАРИФНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОПЛАТЫ ТРУДА СПЕЦИАЛИСТОВ УРАЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1930-Е ГОДЫ

Одним из наиболее ярких показателей социального статуса той или иной социальной группы является совокупный доход, исчисляемый в денежном или натуральном выражении. В условиях командной экономики с ее централизованным распределением рабочей силы и сведенной к минимуму возможностью получения альтернативных доходных источников, основным компонентом дохода является заработная плата. Поскольку государство оказывается практически единственным работодателем, то его политика в сфере оплаты труда может считаться критерием отношения власти к определенным социальным группам.

Характерной чертой промышленной модернизации 30-х гг. была относительная экстенсификация производства, что выражалось в устойчивом росте числа предприятий и, следовательно, в необходимости увеличения рабочей силы. Относительная

численность инженеров и техников, выполняемые ими функции на производстве, уровень их компетенции и величина заработной платы выступают в данном случае показателем интенсификации экономического роста. Чем меньше регламентирована деятельность специалистов, чем выше их профессионализм и оплата труда, тем более интенсивным оказывается экономический рост. Тарифная политика, таким образом, может выступать показателем экономического развития.

Система оплаты труда является также отражением процесса взаимоотношений власти и инженерно-технической интеллигенции. Начавшаяся во второй половине 20-х гг. реконструкция промышленности показала нереальность предпринятой властью первоначальной попытки обойтись без старых специалистов. Это привело к необходимости материального стимулирования участия инженеров и техников в модернизации производства. В результате в 1927 г. рост зарплаты ИТР составил от 10 до 62 % по сравнению с 1926 г. [1] Осознание зависимости достижения стратегических целей от позиции буржуазных специалистов вызвало у власти реакцию раздражения, проявившуюся в показательных процессах против инженерно-технической интеллигенции. Декларируемое повышение номинальной зарплаты "компенсировалось" созданием на производстве атмосферы враждебности, подозрительности и страха. После репрессивной волны потребность в профессиональной организации производственного процесса заставила власть вновь заговорить о повышении внимания к специалистам, что проявилось в практике заключения выражавших интересы ИТР коллективных договоров, а также в системе индивидуальных трудовых соглашений. Стремительное становление "своей", советской технической интеллигенции предопределило циничное отношение к ней со стороны тоталитарного режима, что выразилось в уравнительности системы оплаты труда.

Анализ тарифной политики в её динамике позволяет определить материальное положение инженерно-технической интеллигенции Урала. Источниками являются статистические данные, итоговые отчёты предприятий, тексты коллективных договоров, материалы ревизионных проверок, профсоюзные документы и др. Основным показателем общей характеристики тарифной политики выступает среднемесячная заработная плата инженерно-технических работников крупной промышленности. В качестве сравнительных показателей используются данные о зарплате ИТР в отдельных отраслях, на отдельных предприятиях, а также сведения о зарплате рабочих.

Официальные статистические данные свидетельствуют о постоянном росте номинальной заработной платы специалистов на протяжении всех тридцатых годов. Если в 1930 г. среднемесячная зарплата ИТР в ценовой промышленности Урала равнялась 224,62 руб., в 1933 г. - 349 руб., в 1936 г. - 553 руб., то в 1939 г. она составила 583,2 руб. [2] Как видно из этой динамики, зарплата за период 1930-1939 гг. увеличилась примерно в 2,6 раза. Следует отметить, что рост среднемесячной зарплаты рабочих крупной промышленности опережал рост зарплаты ИТР примерно в 1,35 раза. Это происходило от того, что власть в начале 30-х гг. пыталась с помощью материального стимулирования смягчить репрессивную атаку на специалистов, повышая им зарплату более интенсивно, чем рабочим, а к концу десятилетия уже откровенно нивелировала доходы различных социальных групп.

Средние показатели не могут отразить все конкретные детали тарифной политики. Так, например, в 1931-1932 гг. была распространена практика заключения индивидуальных трудовых договоров с высококвалифицированными специалистами, приглашавшимися из крупных индустриальных центров для организации новых произ-

водств на Урале. По таким договорам инженер мог претендовать на должность с окладом до 1500 руб. в месяц при средней месячной зарплате ИТР в 1932 г. 299,36 руб. [3] Конечно, случаи назначения столь высоких окладов были единичными, но сама возможность такой практики показательна. К тому же в тарифную ставку по соглашению изначально закладывалась четырёхкратная разница между 1 и 16 разрядами инженерно-технического персонала, поэтому инженер со стажем, как правило, получал зарплату выше среднестатистической.

Небольшие различия в оплате труда ИТР наблюдались в зависимости от отраслевой принадлежности. В 1930 г. инженеры и техники треста "Уралуголь" зарабатывали в среднем 240,19 руб. в месяц, в тресте "Уралмет" средняя зарплата ИТР составляла 220,3 руб. в месяц, а трест "Уралсельмаш" назначил для своего инженерно-технического персонала среднемесячный заработок в 213 руб. [4] В 1934 г. наиболее высокую зарплату получали инженеры черной металлургии (493 руб. в месяц) и электроэнергетики (485 руб.), а самая низкая зарплата была в железорудной промышленности (402 руб.) и в машиностроении (415 руб.). [5] К 1936 г. на первое место в оплате труда ИТР выходит цветная металлургия (643 руб. в месяц). В 1939 г. сохраняется лидерство электроэнергетики (621 руб. в месяц), к которой добавляется каменноугольная промышленность (865 руб.), но происходит относительное падение зарплаты ИТР на предприятиях черной металлургии (646 руб.). [6]

В тарифной политике существовали не только отраслевые особенности оплаты труда, но также различия между заработками на предприятиях одной отрасли и различия между зарплатой инженерно-технического персонала в администрации предприятия и на производстве. В первом случае разница составляла в среднем 20,5 %, во втором - в среднем 14 %. Естественно, что эти показатели периодически менялись, но их флуктуации были незначительны и зависели, в основном, от всевозможных политических компаний (например, от сокращения административных аппаратов и организованного перевода инженеров на производство).

В тарифной политике 30-х гг. практически не учитывались инфляционные процессы, поэтому индексация заработной платы проводилась стихийно, непропорционально и преподносилась в виде "неуклонного повышения материального благосостояния трудящихся". Между тем, среднегодовой рост цен на продукты питания за период 1929-1933 гг. составил 171 %, а номинальная заработная плата ИТР Урала за этот же период увеличилась лишь на 14-16 %. [7] Это приводило к снижению реальной зарплаты инженерно-технической интеллигенции и ухудшению её материального положения.

Кроме инфляции существовал ещё один внешний фактор, дестабилизировавший тарифную политику: несвоевременная выплата заработной платы. Это явление не было аналогичным современным проблемам российской экономики, так как имело иную природу и не приобрело хронического характера. Причиной задержек зарплаты была несовершенная финансово-банковская система, характеризовавшаяся неворотливостью, низкой мобильностью, слабой инфраструктурой, репрессивным патернализмом со стороны партийно-государственных органов. Это явление вызывало раздражение тоталитарной власти, которая была не в силах понять объективную причину, а потому пыталась бороться с ним привычными командными способами. Данная проблема иногда приобретала масштабы регионального бедствия. Например, общая задолженность по зарплате за январь-апрель 1931 г. на Урале составляла около 30 млн. руб. [8] В 1934 г. обком партии специальным постановлением реко-

мендовал профсоюзным организациям передавать дела о невыплате заработной платы в судебные органы. [9]

Таким образом, система оплаты труда инженеров и техников крупной промышленности Урала отражала издержки всей тарифной политики. Абсолютный рост номинальной заработной платы ИТР не может восприниматься как улучшение материального положения интеллигенции, т.к. на этот процесс негативно воздействовали опережающий рост розничных цен, нивелирование заработков инженеров, техников и рабочих, задолженности по зарплате, а также снижение престижности работы на производстве в результате дисбаланса должностных окладов в пользу административной деятельности.

1. Пыстина Л.И. Материально-правовое положение специалистом в 20-е годы (тарифная политика и нормы регулирования трудовой деятельности) // Интеллигенция, общество, власть: опыт взаимоотношений (1917 - конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1995. С.100.

2. Подсчитано по материалам: ГАСО. Ф.Р-245. Оп.1. Д.776. Л.54-126; Ф.Р-1813. Оп.1. Д.66/1; Ф.Р-272. Оп.3. Д.938. Л.12; Хозяйство Свердловской области. 1935-1936 гг. Основные показатели. Свердловск, 1936. С.186; Челябинская область в цифрах. Челябинск, 1934. С.90.

3. ГАСО. Ф.Р-245. Оп.1. Д.1635. Л.28, 60.

4. ГАСО. Ф.Р-245. Оп.1. Д.776. Л.54-56, 113-114, 126а.

5. ГАСО. Ф.Р-1813. Оп.1. Д.47а. Л.191.

6. ГАСО. Ф.Р-1813. Оп.1. Д.66/1. Л.15-32.

7. Подсчитано по материалам: ГАСО. Ф.Р-1812. Оп.2. Д.64. Л.3; Д.65. Л.4; Д.141. Л.25-26; Д.142. Л.4.

8. ЦДООСО. Ф.4. Оп.9. Д.32. Л.101.

9. ЦДООСО. Ф.4. Оп.12. Д.60. Л.3.

А.М.ФЕДОРОВА (Оренбург)

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ФРОНТА ПОПОЛНЕНИЕМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Местные органы государственной власти - Советы депутатов трудящихся - в годы Великой Отечественной войны сыграли чрезвычайно важную роль в реализации военной политики государства, в мобилизации населения на борьбу с агрессором, на всенародную помощь фронту. Их многогранная деятельность была составной частью функционирования систем местных Советов Российской Федерации, СССР в дни войны. На органы государственной власти многих регионов страны легла дополнительная существенная нагрузка, обусловленная, во-первых, очень большим притоком эвакуированных людей, предприятий, учреждений и организаций, во-вторых, развертыванием широкой сети эвакуогоспиталей, в-третьих, - направлением для работы на предприятиях и стройках мобилизованных спецпереселенцев, в-четвертых, приездом добровольцев в формируемые чехословацкие и польские формирования (Южный Урал, Рязанская, Воронежская области), в-пятых, - размещением на территории региона лагерей военнопленных.

Быстро и профессионально перестроив свою работу в соответствии с требованиями военного времени, местные Советы Южного Урала четко выполнили как свои конституционные функции, так и возникавшие специфические задачи. Как показывает анализ деятельности местных органов власти, одним из ее магистральных направлений в течение всей войны являлось обеспечение фронта пополнением. Комплексная, многоаспектная работа Советов включала организацию и проведение при-